

самоценности человеческой жизни, трактует человека не как цель, а как средство, и ставит во главу угла «бег», действие, а не рефлексию, и во-вторых, говорит о конце истории, отрицает достижения цивилизации, нивелирует не только социальные ценности и принципы, но также понятия пространства и времени. Самой своей сущностью оно обеспечивает поддержку (или, по крайней мере, принятие) терроризма, если не в сознании, то в подсознании людей во всем мире.

Этот момент интересен еще и тем, что распространение современного терроризма совпало со становлением и расширением слоя местной интеллигенции в менее развитых государствах. Это можно объяснить тем, что данная категория лиц более склонна к рефлексии и достаточно хорошо воспринимает и адаптирует подобные воззрения. Кроме того, часто интеллигенция обладает большими возможностями объединить вокруг себя людей для борьбы. Всем известный террорист Усама бен Ладен является этому ярким примером. Д. В. Ольшанский о нем пишет: «...детство Усамы имело сильнейшие религиозные и, одновременно, предпринимательские корни. В итоге сложился любопытнейший, причем органичный и искренний сплав религиозного менталитета, который оказал значительное влияние в будущем» [7, с. 234].

Политический аспект процесса глобализации также непосредственно проявляется в функционировании феномена «терроризм», как кризисного варианта социального реагирования. Связано это с тем, что в данный момент именно государство и его органы является целью любого теракта, независимо от его национальной, социальной, культурной окрашенности. Во многом это обусловлено отмеченным вначале ослаблением роли государства как института, его нефункциональностью в решении ряда важных вопросов современного социума, таких как неспособность обеспечить безопасность своих граждан, урегулировать социальные, этнические конфликты и т. д. к чему привел процесс глобализации. Интересным на этом фоне является аспект усиления национального строительства в конце прошлого начале нашего века. Распад таких государств как СССР, Югославия повлек за собой значительное усиление террористической деятельности. Факторы, способствовавшие этому, были различны: смена тоталитарного строя, делавшего террористическую деятельность бессмысленной, рост национального самосознания и радикальных националистических настроений, социальные кризисы и политический абсентеизм (в формах, предлагаемых органами государства).

Также немаловажным моментом распространения террористической деятельности является, обусловленное опять же глобализацией, техническое обновление транспорта, связи и вооружения. Средства массового уничтожения достигли минимальных размеров и максимальной мощности. А скорость транспортных средств и связи увеличилась настолько, что транспортировка любого оружия и носителя данного оружия стали делом несложным, мало поддающимся контролю государственных служб.

В итоге данная статья демонстрирует ряд моментов, подтверждающих то, что феномен «терроризма» является кризисным вариантом социального реагирования на процесс глобализации. Он не был создан вследствие ее процессов, однако его современные качественные и количественные характеристики обусловлены именно ими. Исходя из этого, можно смело утверждать, что бороться с данным феноменом можно только уничтожив или, по крайней мере, преобразовав негативные черты процесса глобализации, в той или иной мере изменив его сущность, чем бороться непосредственно с терроризмом. Безуспешный опыт силовой борьбы с терроризмом последних лет это подтверждает.

Источники и литература

1. Биндюков Н. Г. Демократическая интеграция и социалистическая интернационализация как альтернативные модели глобализации. // www.npsr.ru/smi/fiskra02-06.htm
2. Галкин А. А. Глобализация и политические потрясения XXI века. // Полис. – 2005. – №4. – С.51–70.
3. Галь Б. На пороге постсовременности. Региональные модели противостояния глобальным вызовам. – 2005. – 21 октября // dialogs.org.ua/ru/material/full/2/4460
4. Дахин В. К вопросу об устойчивости глобального развития. // www.rags.ru/akadem/gos_sl/31-2004/31-2004-9
5. Кожушко Е. П. Современный терроризм. / под общ. ред. Тараса А. Е. – М. – 2000. – 448с.
6. Колосов В., Заяц Д. Геополитическая картина мира в средствах массовой информации. // Полис. – 2002. – №6. – С. 33–49
7. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.
8. Переосмысляя современность (Материалы международной конференции). – Полис. – 2003. – № 2. – С. 12–21.
9. Попов Г. Х. Бен Ладен бессмертен (о войне с террором). // Московский комсомолец. – 2001. – 12–13 октября.

Кальной И.И.

ОБЩЕНИЕ КАК АБСОЛЮТНАЯ АТРИБУТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

С точки зрения обывателя, Европа второй половины XIX века демонстрирует стабильность и внушает надежду на благополучие.

И порадовал гений аналитического ума молодого Карла Маркса, который в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» анатомизировал капиталистический способ производства как связующее звено системы «Природа – Общество – Человек» и через формулу «Товар – Деньги – Капитал» раскрыл содержание тройной фетишизации, которая включает механизм деперсонификации человека и обеспечивает его отчужде-

ние от всего, от всех и от самого себя. Человек превращается в одномерное существо. Он проходит по реестру функции.

Гений другого склада ума Макс Вебер ставит обществу диагноз «эпохи формальной рациональности», где бюрократия трансформируется в бюрократизм, а культура уступает место массовой культуре; где антропоцентризм инверсирует в европоцентризм.

Обыватель не читает книги «яйцеголовых», не слышит он и голоса Ф. Ницше, О. Шпенглера. Он живет надеждой на благополучие. XX век для обывателя стал неожиданностью. Две мировые войны, обострение глобальных проблем вызвали к жизни философию постмодернизма, которая обеспечила блестящую критику модерна и показала, что индустриальное общество исчерпало свой потенциал. Оно должно уступить место информационному обществу.

Переход к информационному обществу, в первую очередь, связан с формированием новой шкалы ценностных ориентиров. На сегодня старая шкала ценностей уже не работает, а новая еще не сложилась. Корабль без компаса в открытом море – заложник стихии. Нечто подобное можно наблюдать и в обществе. Неопределенность ближайшего будущего рождает социальный невроз, создает общественную психологическую напряженность и готовность к противостоянию.

Ситуация усугубляется еще и тем, что даже первые шаги по освоению информационного общества подарили нам еще одну проблему. Когда начиналась перестройка, все заговорили о четвертой власти, полагая, что законодательную, исполнительную и судебную власть существенно дополнит власть средств массовой информации, и общество получит подлинную демократию. Не успели оглянуться – и получили подлую, продажную демократию. И дело не в лицах, а в том, что информация на рынке спроса и предложений – это товар. И прав был Пьер Бурдьё, который в своей монографии «О телевидении и журналистике» поставил точный диагноз массмедиа, указав на их блеск и нищету. С одной стороны, средства массовой информации демонстрируют ориентиры на завоевание информационного пространства и утверждение своего авторитета. С другой стороны, они демонстрируют желание подороже себя продать [3].

Проблема информации как товара прямо и непосредственно затрагивает человека, его основную атрибутивность. В границах антропосоциогенеза человек заявил о себе через отношение людей к природе и отношению людей друг к другу. Отношение людей к природе сложилось через становление и развитие трудовой деятельности человека, а отношение людей друг к другу – через общение. Первое вылилось в действиях, а второе – во взаимоотношениях. Формой выражения действия (деятельности) и взаимоотношения (общения) явился поступок как единица жизнедеятельности человека, для становления и развития которого общение не менее важно, чем труд.

Изначально общение людей осуществляется через диалог, который имел достаточно жесткий предел. Он не распространялся на природу, предмет труда и раба как одушевленного орудия труда [2, т. 4, с. 236].

Новая ситуация сложилась в эпоху Средневековья. В рамках парадигмы теоцентризма складывается диалог Бога и человека. Этот диалог определил все другие формы общения человека и с природой, и друг с другом. Более того, отношение человека к Богу обусловило право индивида на добровольный и ответственный выбор своего поведения с ориентиром на осуществление принципа «возлюби ближнего как самого себя».

Новое, демистифицированное понимание человеческого общения внесла Эпоха Ренессанса. Если Данте Алигьери декларировал земное предназначение человека, то Пико делла Мирандола обосновал возможность человека подняться до заоблачных высот или опуститься до скотского состояния, ибо человек делает себя сам в условиях свободного, а стало быть, ответственного выбора. В свободе выбора мыслитель эпохи Возрождения видит «высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет» [5, т.1, с. 508].

Переход от традиционного общества к индустриальному обществу существенно меняет не только нормативную пирамиду социальной регуляции людей, но и редактирует отношение людей к миру и друг к другу, что находит свое выражение в известной формуле Томаса Гоббса «человек человеку не Бог, а волк» [4, т.2]. Пройдя свое становление в фазе «пещерного капитализма», индустриальное общество заявило о себе философией Просвещения, требованиями этического и эстетического воспитания человека с ориентиром на осуществление общечеловеческих ценностей, на реализацию симпатий к Другому.

Постепенно складывается традиция рассматривать в качестве философского анализа не только отношение человека к природе, но и отношение человека к человеку. Гносеологическое отношение субъекта к объекту обрело иную ипостась, через отношение «Я» к другому «Я» в форме отношения субъекта к субъекту. В этом направлении особенно преуспела немецкая классическая философия от И. Канта до Г. Гегеля. Правда, субъектом в этой философии выступает не сам человек, а его сознание. И тем не менее, сказав свое «слово», немецкая классическая философия заложила основания для последующего «дела» постклассической философии. Философия жизни, экзистенциализм, марксизм, прагматизм, неотрейдизм, персонализм и философская антропология выходят на уровень реального, конкретного отношения человека к человеку.

Оформление субъектно–субъектного отношения повлекло за собой необходимость решения проблемы понимания другого через исследование феномена общения. В исследовательской практике общение воспринималось исключительно в форме диалога, который может состояться только в том случае, если его стороны в состоянии понять и принять друг друга в качестве суверенных и независимых субъектов, преследующих свои интересы, но готовых обсуждать и решать судьбу общих интересов. В общении и через общение складывается возможность не только согласования позиций, но и возможность достижения согласия с ориентиром на взаимопомощь.

Практика показала, что феномен взаимопомощи более значим, чем борьба за существование. Преодолевая

сложившиеся стереотипы, анализируя значительный эмпирический материал, П. А. Кропоткин имел все основания обосновать тезис о том, что закон взаимной помощи имеет гораздо большее значение, чем закон взаимной борьбы [7, с. 274].

Эффективность закона взаимной помощи вырастает на порядок в условиях человеческого общежития, где каждый, преследуя свои цели, свои интересы, не должен забывать, что его частная жизнь протекает в русле публичной жизни, где есть другие с ориентиром на свои интересы. А поэтому даже «худой мир предпочтительнее войны», ибо он предполагает возможность если не взаимопомощи, то хотя бы избежания активного противостояния.

Дальнейшее осмысление человеческих отношений складывается в условиях оппозиции государству, когда авторитету власти противостоят адепты идеи гражданского общества с культом индивидуализма и поиском форм диалога в системе коммуникаций, отдавая себе отчет, что встреча с другим может быть «дорогой не только в рай, но и в ад».

XX век сделал человека и человеческие взаимоотношения объектом исследования различных отраслей науки: социологии и социальной психологии; психиатрии и психоанализа; лингвистики и семиотики; теории массовой коммуникации. Каждая отрасль научного знания имела свой предмет, свои цели и задачи исследовательской практики. Решение этих задач приумножало объем знаний о способах взаимодействия людей в процессе их жизнедеятельности, обеспечивало возможность решать практические задачи. К примеру, психоанализ лечил психические расстройства, а теория массовых коммуникаций обеспечивала оптимальную модель социально-организованной деятельности людей. Но при этом терялось целостное восприятие общения как особого взаимодействия «Я» и «Других», в результате чего складывается неповторимая социальная реальность. Эта реальность детерминирует жизнедеятельность отдельного «Я», определяет условия его поведения и поступков.

Сложившаяся социальная реальность предстает как мир непрекращающейся коммуникации людей, решающих с помощью столкновения точек зрения (мнений) сложившиеся проблемные ситуации. Другими словами, мир живет в коммуникации, оптимальной формой выражения которой является диалог. Диалог выступает универсальным условием человеческого бытия. Поэтому проблема диалога, взаимопонимания и открытости различных культур, особенно в условиях этнического многообразия, выступает жизненной необходимостью. Эта необходимость неизмеримо возрастает, когда некоторые силы общества (кланы, клиентелы) начинают эксплуатировать различие культур, преследуя свои интересы.

Концепцию диалога, как альфы и омеги общения, разрабатывают М. Бубер, Г. Марсель, Э. Мунье и другие, полагая, что человек общителен по своей природе. Общение, наряду с трудом, выступает тем атрибутом человеческого «Я», которое делает индивида членом своего века (своего времени). Когда исчезает возможность общения на уровне субъектно-субъектного отношения, тогда наступает тотальное отчуждение человека от самого себя. В этих условиях влечение к другому перерождается в ненависть; потребность подменяется враждой; притяжение трансформируется в отталкивание. Чуждость и зло обретают статус демаркационной линии между субъектами. Общение обретает свою противоположность. Оно превращается в чистую коммуникацию, формальную процедуру связи между «отправителем» и «получателем» информации, теряя собственное назначение быть условием познания и самопознания. Только в диалогическом контакте, в общении с Другим возможно практическое решение проблем человека.

И чем скорее мы освоим эти азбучные истины, тем скорее найдем свою нишу выживаемости в обществе, где основные атрибуты человеческого «Я» воспринимаются как товар.

Проблема общения многократно актуализируется, когда речь идет о совокупном субъекте. Субъектом может быть не только отдельно взятый человек, который в социальном измерении заявляет о себе как личность, а его отношение в процессе общения заявляет о себе как проблема конкретной личности. Субъектом может быть малая или большая группа людей. Это социальное образование сложилось не механически в форме толпы на время, а органически. В результате складывается качество целого, не сводимое к качеству элементов сложившейся системы. Таким системным качеством выступает коллективное сознание и самосознание, а также коллективная воля с готовностью к действию, которое включает выбор целей, способов и средств их осуществления. Самосознание обеспечивает структурную переорганизацию социальной группы «в себе» в группу «для себя» с ориентиром на собственную стратегию и тактику в границах сложившегося социума. Отношение «Я» и «Другой» уступает место отношению «Мы» и «Они». И это отношение уже заявляет о себе как проблема малого или большого социального образования, от деятельности которого может существенно измениться развитие конкретной страны.

Коллективное сознание и самосознание, а также коллективная воля, в свою очередь, определяются содержанием культуры, уровнем ее развития, основу которой составляет определенная шкала ценностных ориентиров. Культура через цивилизацию может обеспечить достойный ответ на исторический вызов и предложить оптимальное решение сложившейся проблемной ситуации. Но культура может и усугубить проблемную ситуацию, если речь идет о кризисной культуре «большого» общества, субкультуре преступного мира или культуре конкретной клиентелы, где не ставится вопрос, а можно ли праведную цель творить неправедными средствами, а делается ставка на цель, которая оправдывает любые средства.

В философской литературе продолжается разговор о природе общения, его сущности. Одни полагают, что общение является одним из основных видов человеческой деятельности [1, с. 75; 8, с. 370]. Другие рассматривают общение как производное общественных отношений [6, с. 75]. Но общение можно рассматривать и как специфическое проявление человеческой активности с претензией быть самостоятельным объектом анализа, особенно в условиях становления информационного общества, где информация, как и труд, обретает форму товара и в этом качестве поступает на рынок.

Если общение тождественно информации (общая теория коммуникации), то индивид XXI века обречен на тотальное отчуждение от всего, от всех, а главное, от самого себя. И только общение может существенно поправить сложившуюся тенденцию.

Общение – это нечто, что принципиально отличается от деятельности и коммуникации, а посему и сохраняет за собой то, что обеспечивает человеку возможность при любом раскладе сохранять свою индивидуальность и неповторимость, обеспечить за собой статус субъекта социальной активности. Только статус субъекта обеспечивает подлинное общение, а не квазиобщение (коммуникация или один из видов человеческой деятельности), где доминируют субъектно–объектные отношения.

Общение предполагает согласование и формирование согласия, которое начинается на гносеологическом основании, а завершается на уровне аксиологической интерпретации.

В процессе приобщения к ценностям партнера, участника диалога, решается проблема не столько воспитания, сколько самовоспитания через сравнительный анализ и последующую инвентаризацию ценностей на пути формирования единой шкалы ценностных ориентиров, определяющих единую точку зрения в поиске ответов на вопросы «что есть что» и «кто есть кто» и формирующих общую культуру и духовную общность.

Если мыслители прошлого говорили о пиршестве духа и роскоши общения, то ныне, когда индустриальное общество сменяется информационным, когда в обществе не работает старая шкала ценностей, а новая еще не сложилась, когда правят бал неопределенность и психологическая напряженность, общение уже не является роскошью. Оно заявляет о себе как абсолютная необходимость, без осуществления которой переходный период между индустриальным и информационным обществом еще долго будет напоминать о себе этапом разрушения и поколением дестроеров.

Источники и литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л., 1969. – С.322;
2. Аристотель. Соч. В 4 т. – М., 1983.
3. Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М., 2002..
4. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского// Сочинения в 2–х т. Т.2. – М., 1991.
5. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. – М., 1962.
6. Каган М. С. Мир общения. – М., 1988.
7. Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. – М., 1990.
8. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М., 1981.

Кемалова Л.И.

МАРГИНАЛЬНОСТЬ И НОВАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В XXI ВЕКЕ

Актуальность данной статьи обусловлена особенностями социальных процессов, происходящих в современном обществе. Современность – это, как известно, определенный момент в любом историческом времени. Сегодня мы характеризуем ее как современность новоевропейской цивилизации. Несмотря на то, что сама идея современности возникла именно в новоевропейской цивилизации, она актуальна и в третьем тысячелетии, поскольку связана с идеей единства всего человечества, идеей единства мира. В условиях формирования новой парадигмы развития новоевропейской цивилизации в XXI веке особое звучание приобретает и проблема маргинальности. Глобализация, все больше охватывающая социокультурные процессы, придает понятию маргинальности новые оттенки. Возрастающие межкультурные контакты носителей разнородного культурного опыта, посредством миграции, развития средств передачи информации и других факторов, приводят к размыванию идентичности, а маргинальный «статус» становится нормой не только на уровне индивидов и социальных групп, но и более широких общностей. В связи с этим **целью данной статьи** является рассмотрение роли феномена маргинальности в условиях развития новоевропейской цивилизации. Для достижения этой цели необходимо решить **следующие задачи**:

- дать характеристику современной эпохи как переходной;
- рассмотреть маргинальность как особое состояние современного общества, оказавшегося в ситуации перехода, и показать конструктивное значение данного явления для развития новоевропейской цивилизации.

Современное общество характеризуется как общество переходного периода. Оно находится в состоянии кризиса, когда старая шкала ценностей разрушилась, а новая еще не сложилась. В условиях отсутствия ценностных ориентиров в обществе господствует произвол, усиливаются социально-экономические болезни, растет коррупция, резко снижается ценность человеческой жизни. Люди предпочитают «жить сегодняшним днем», ориентируясь на принцип «здесь и сейчас», заботясь об удовлетворении только витальных потребностей, не заглядывая в будущее. Этот период, переживаемый сегодня современным обществом, вполне можно назвать маргинальным – в смысле перехода, промежуточности положения, в котором оно оказалось.

В условиях, когда социально–экономические перемены на рубеже веков привели к активному поиску ценностных ориентиров, особую актуальность приобрела идея гражданского общества. Становление его происходит с большими трудностями: нарастает процесс криминализации общественной жизни, вместо среднего класса в обществе возрастает число олигархов и нищих, пополняется «социальное дно» за счет увеличивающегося числа безработных, беспризорных детей, оказавшихся «на краю», чувствующих себя ненужными об-